

ПРИЗВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННОГО ТЕОЛОГА (окончание)¹

Ричард Суинберн

Перевод с английского А. Карабыкова, Т. Хреновой²

Аннотация: *Вниманию читателей предлагается вторая часть интеллектуально-автобиографического очерка одного из ведущих христианских мыслителей последнего полувека, члена Британской Академии, профессора христианской философии в Оксфордском Университете в 1985–2002 гг.*

Ключевые слова: *теизм, христианство, оксфордская философия, обоснование научных теорий*

Космологический аргумент

Космологический аргумент ведет доказательство от существования сложной физической вселенной (или чего-то столь же общего) к Богу, сохраняющему ее в бытии. Посылкой служит наличие нашей вселенной в течение всего ее существования (будь то конечное время или, если у нее нет начала, бесконечное время). Вселенная – сложная вещь, включающая множество отдельных частей. Каждая из этих частей имеет разные конечные и не очень обычные объем, форму, массу и т.д. – взгляните, к примеру, на огромное разнообразие галактик, звезд и планет или на гальку, устилающую морской берег. Материя инертна и не обладает силами, которые она могла бы применять по собственному выбору: она делает то, что принуждена делать. В любой области ее количество ограничено, и она имеет ограниченный объем энергии и скорости. Вселенной присущи сложность, особенность и конечность, требующие объяснения в терминах чего-то более простого.

Существование вселенной – это нечто очевидным образом необъяснимое наукой. Ибо, как мы видели, научное объяснение проливает свет на возникновение одного положения дел в терминах предыдущего положения и некоего закона природы, который заставляет положения, подобные первому, производить положения, подобные последнему. Оно может объяснить нахождение планет в их нынешних положениях предыдущим положением системы (нахождение Солнца и планет там, где они были год назад) и действием законов Кеплера, в соответствии с которыми за положениями, подобными последним, спустя год идут положения, подобные первым. Таким образом, научное объ-

1 Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 21-011-44042 «Эволюционизм как проблема христианской теологии: исторический анализ».

2 Перевод выполнен по изданию: Richard Swinburne, *The Vocation of a Natural Theologian* // Kelly James Clark (ed.) *Philosophers Who Believe: The Spiritual Journeys of Eleven Leading Thinkers*. Downers Grove: InterVarsity Press, 1993, pp. 179–202. Начало см. в предшествующем номере (№ 2 за 2022 год).

яснение способно объяснить существование вселенной в этом году в терминах существования вселенной год назад и законов космологии. Но имелось начальное состояние вселенной или же вселенная была всегда. В первом случае наука не может объяснить, почему имелось это начальное состояние, а во втором – почему существует материя (или, точнее, материя-энергия), чтобы законы природы могли подчинять ее. По самой своей природе наука не может объяснить, почему вообще существуют какие-либо положения дел.

Но идея Бога может стать объяснением. Гипотеза теизма состоит в том, что вселенная существует, поскольку есть Бог, который сохраняет ее в бытии, и что законы природы действуют, потому что есть Бог, который делает так, что они работают. Он делает так, что они действуют, поддерживая в каждом объекте вселенной его склонность вести себя согласно этим законам (включая закон сохранения материи, по которому то, что имелось раньше, продолжает быть в наличии в каждый момент). Вселенная существует потому, что в каждый момент конечного или бесконечного времени Он сохраняет в бытии объекты с этой склонностью. Теистическая гипотеза подобна предположению о том, что человек совершает определенные действия с какой-то целью. Бог непосредственно воздействует на вселенную, как мы воздействуем на наш мозг, направляя его управлять движением наших конечностей (но вселенная, разумеется, не является Его телом).

Мы видели, что личное объяснение и научное объяснение суть два способа, которыми можно объяснять возникновение явлений. Так как не может быть научного объяснения существования вселенной, есть или личное объяснение, или нет объяснения вообще. Гипотеза о том, что есть Бог, – это гипотеза о существовании самого простого вида личности, который только может быть. Личность – это существо, обладающее силой совершать действие, знанием того, как это делать, и свободой выбирать, какое действие произвести. Бог по определению является всемогущей (бесконечно могущественной), всеведущей (знающей все) и совершенно свободной личностью. Он личность бесконечной силы, знания и свободы; личность, чья сила, знание и свобода не имеют пределов, кроме логических. Гипотеза о том, что есть существо с бесконечной мерой качеств, необходимо ему свойственной, есть постулирование очень простого существа. Гипотеза о том, что есть один такой Бог, является гораздо более простой, чем гипотеза о том, что существует бог, обладающий ограниченной властью, или что существует несколько богов с ограниченными полномочиями. Она проще точно так же, как гипотеза о том, что какая-то частица обладает нулевой массой или бесконечной скоростью, проще той, в согласии с которой эта частица обладала бы 0,32147 некоей единицы массы или скоростью 221000 км/сек. В отличие от безграничности, конечное ограничение предполагает объяснение того, почему есть именно такой конкретный предел. Бог представляет самую простую конечную точку в объяснении.

То, что есть вообще что-то, не говоря уже о вселенной, столь сложной и упорядоченной, как наша, до крайности странно. Но если Бог есть, то весьма вероятно, что Он должен сотворить такую вселенную. Вселенная, наподобие нашей, – это произведение искусства, театр, в котором люди и другие существа могут развиваться и осуществлять свое предназначение, и эту мысль я буду развивать далее. Поэтому аргумент от вселен-

ной к Богу – это аргумент от сложного явления к простому существу, который ведет нас к ожиданию (хотя и не гарантирует) существования Вселенной в намного большей мере, чем в противном случае (т.е. при отсутствии Бога. – пер.). Следовательно, я считаю, что он дает некоторое подтверждение истинности теизма.

Аргумент от замысла

Телеологический аргумент, или аргумент от замысла, бытует в разных формах. Одной из них служит аргумент от временного порядка. В качестве своей посылки он имеет действие самых общих природных законов, то есть упорядоченность природы, проявляющуюся в ее подчинении очень общим законам. Что именно представляют собой эти законы, наука, возможно, еще не выяснила – может быть, это уравнения поля из общей теории относительности или имеются еще более фундаментальные законы. Теперь, как мы видели, наука может объяснить действие некоей узкой закономерности или закона в терминах более широкого или более общего закона. Но то, что наука по самой своей сути объяснить не может, – это почему существуют общие законы природы. Ибо *ex hypothesi*³ ни один более широкий закон не может объяснить их действие.

Соответствие объектов в бесконечном времени и пространстве простым законам требует объяснения. Давайте рассмотрим, что это означает. Законы – это не предметы, независимые от материальных объектов. Сказать, что все объекты подчиняются законам, значит просто сказать, что все они ведут себя полностью одинаково. Так, сказать, что планеты подчиняются законам Кеплера, значит просто заявить, что каждая планета в каждый момент обладает свойством двигаться так, как утверждают законы Кеплера. Следовательно, существует огромное совпадение в поведенческих свойствах объектов во все времена и во всех местах. Если все монеты какого-то региона имеют одинаковый внешний вид или все бумаги в комнате исписаны одинаковым почерком, мы ищем объяснение в терминах общего источника таких совпадений. Похожее объяснение следует искать тому огромному совпадению, которое мы описываем как подчиненность объектов законам природы, – например, тому факту, что все электроны образованы и что они притягивают и отталкивают другие частицы, а также соединяются с ними совершенно одинаковым образом в каждой точке бесконечного времени и пространства.

То, что существует вселенная и имеются законы природы, – это настолько общие и всеобъемлющие факты, что мы склонны их не замечать. Но с таким же успехом вселенной могло не быть вовсе. Или с той же легкостью вселенная могла быть хаотическим беспорядком. То, что есть упорядоченная вселенная, – это что-то весьма поразительное и при этом лежащее за пределами научного объяснения. Неспособность объяснить эти вещи не является временным явлением, вызванным недостаточной развитостью современной науки. Дело, скорее, в самой сути научного объяснения, по причине которой эти вещи будут всегда оставаться недоступными для него. Ибо по самой своей сущности научные объяснения ограничиваются неким предельным законом природы и неким предельным устройством материальных вещей. И вопрос, кото-

³ «Из гипотезы» (лат.), то есть согласно предложенной гипотезе (Здесь и далее, где это указано, примечание переводчиков).

рый меня здесь волнует, заключается в том, почему вообще существуют естественные законы и материальные вещи.

Нам снова доступно простое объяснение временной упорядоченности вселенной: Бог заставляет протоны и электроны двигаться упорядоченным образом, точно так же как мы можем приводить в движение наши тела по правилам танца. *Ex hypothesi* у Него есть сила, чтобы делать это. Но почему Он избирает это действие? Упорядоченность вселенной сообщает ей красоту, но, что еще более важно, она делает ее поддающейся контролированию и изменению со стороны людей. Ведь лишь при наличии простых законов природы люди могут предсказывать, что из чего будет следовать, а без правильных предсказаний они не могли бы что-либо изменить. Только если они знают, что, посеяв определенные семена, прополов и полив их, они получают кукурузу, люди могут вести сельское хозяйство. И они могут приобрести эти знания лишь в том случае, если в природе имеются легко постижимые поведенческие закономерности. Хорошо, что есть человеческие существа, воплощенные мини-творцы, добровольно участвующие в деятельности Бога, формирующей и развивающей вселенную. Но если есть люди, должны существовать и законы природы. Поэтому есть некоторое разумное ожидание, что Бог произведет их, иначе вряд ли можно ожидать, что вселенная обнаружит такой поразительный порядок.

Формой аргумента от замысла, наиболее распространенной в истории мысли и доминировавшей в XVIII – начале XIX веков, служил аргумент от пространственного порядка. Сложная организация животных и растений, позволяющая им добывать пищу, к которой приспособлено их пищеварение, и спастись от хищников, наводила на мысль о том, что они подобны изощренным машинам и, соответственно, их должен был собрать высший механик, встроивший в них еще и способность к размножению. Активное использование этого аргумента в религиозной апологетике прекратилось в 1859 году, когда Дарвин предложил свое объяснение того, почему есть сложно организованные животные и растения, в терминах законов эволюции, действовавших прежде на гораздо более простые организмы. Казалось, не было никакой необходимости вписывать Бога в эту картину.

Тем не менее такая реакция была преждевременной. Ибо потребность в объяснении может быть отнесена на предыдущую стадию. Почему имеются законы эволюции, приводящие к тому, что в течение тысячелетий простые организмы постепенно производят сложные? Несомненно, потому что эти законы вытекают из основных законов физики. Но тогда почему основные законы физики имеют такую форму, что влекут за собой законы эволюции? И почему имелись примитивные организмы в самом начале? Можно рассказать правдоподобную историю о том, как первичный “суп” материи-энергии, образовавшийся в момент Большого взрыва (около 15 миллиардов лет назад, когда, как ныне говорят ученые, началась вселенная или, по крайней мере, ее настоящая фаза), в течение многих тысячелетий создавал эти примитивные организмы, согласно физическим законам. Но почему тогда вообще была в начале материя, пригодная для такого эволюционного развития?

В отношении законов и исходной материи у нас снова есть тот же выбор: сказать,

что эти вещи не подлежат дальнейшему объяснению, или искать такое объяснение. Заметьте, что здесь вопрос не в том, почему вообще есть законы (посылка аргумента от временного порядка) или почему вообще существует материя-энергия (посылка космологического аргумента), а в том, почему законы и материя-энергия наделены таким характером, в силу которого они настроены на создание растений, животных и людей. Поскольку самые общие законы природы имеют этот особый характер, не может быть научного объяснения того, почему они таковы, каковы они суть. И хотя возможно научное объяснение того, почему материя в момент Большого взрыва имела тот особый характер, который был у нее тогда, в терминах ее характера на более раннем этапе, ясно, что если имелось первоначальное состояние вселенной, оно должно было быть определенного рода. Если же вселенная существовала вечно, ее материя должна иметь определенные общие свойства, ибо только так в любое время может иметься состояние вселенной, пригодное для создания растений, животных и людей. Научное объяснение останавливается. Остается вопрос, должны ли мы принять эти особые черты законов и материи вселенной как необъяснимые далее факты или же нам надлежит идти за их границы к личному объяснению в терминах деятельности Бога.

Выбор зависит от того, насколько вероятно, что законы и начальные условия должны иметь именно этот характер в силу случайности. Недавние научные исследования привлекли внимание к обстоятельству, что вселенная тонко настроена⁴. Материя-энергия в момент Большого взрыва должна иметь определенную плотность и определенную скорость удаления; увеличение или уменьшение их пусть только на одну миллионную долю привело бы к тому, что вселенная не развивалась бы в сторону появления жизни. К примеру, если бы Большой взрыв заставил кванты материи-энергии удаляться друг от друга чуть быстрее, то не возникло бы ни галактик, ни звезд, ни планет, ни среды, подходящей для жизни. Если бы разудаление шло чуть медленнее, вселенная бы обрушилась на саму себя, прежде чем могла бы появиться жизнь. Сходным образом константы в законах природы должны были располагаться в очень узких пределах, чтобы могла возникнуть жизнь. Итак, крайне маловероятно, что законы и начальные условия случайным образом имели свойство производить жизнь. Бог способен сообщить материи и законам это свойство. Если мы можем показать, что у Него имелись основания для этого, то это подтверждает гипотезу, по которой Он действительно это сделал. Нам снова доступна причина (в дополнение к эстетической), по которой Бог вообще решил создать упорядоченную вселенную. Это ценность воплощенных обладающих сознанием существ, которых произведёт со временем эволюционный процесс, и прежде всего людей, способных делать осознанный выбор относительно того, каким должен быть мир.

Подобная схема аргументации от множества прочих явлений, как, например, существование сознательных существ, благоприятная упорядоченность вещей в определен-

⁴ См. мой краткий обзор и комментарий к этой работе «The Argument from Fine-Tuning», in J. Lesly (ed.) *Physical Cosmology and Philosophy* (New York: Macmillan, 1989), переиздано в качестве приложения В в моей книге «The Existence of God» (Oxford, U.K.: Clarendon, 1991). См. русский перевод: Суинберн Р. Существование Бога. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 450–453.

ных отношениях, возникновение, по-видимому, чудесных событий в истории и религиозный опыт многих миллионов людей, как я утверждал в работе «Существование Бога», – позволяет сказать, что теизм (когда все аргументы берутся вместе), значительно более вероятен, чем сомнителен.

В защиту христианского учения

Моя трилогия была закончена в 1981 году. Она касалась только чистого теизма – смысла, обоснования и значимости для религиозной практики утверждения о том, что Бог существует. Но христианство притязает на много большее. Наряду со многими другими религиями, оно включает такой взгляд на людей, который резко отличает их от обычных материальных вещей. Я знал, что в современном мировоззрении глубоко укоренился материализм, из которого следует, что человек – не что иное, как весьма сложный материальный объект, чрезвычайно изоциренный робот. Эта доктрина казалась мне всецело ошибочной по причинам, совершенно независимым от теологии. Следующие пять лет я посвятил обоснованию субстанционального дуализма, в соответствии с которым в человеке есть две части: тело и душа. Душа при этом служит главной частью, и продолжающееся существование души образует целостность личности. Христианская теология жизненно нуждается в таком взгляде, поскольку, если есть жизнь после смерти, конститутивной частью человеческой личности должно быть нечто отличное от тела, которое можно превратить в пепел или даже в простые частицы энергии. Моя защита субстанционального дуализма и связанных с ним учений о сути человечности (как, например, учение о свободе воли) была опубликована в окончательном виде в книге 1986 года «Эволюция души».

Разработка этого вопроса стала подступом к занятию специфически христианскими доктринами. Я приступил к работе над тетралогией по философским проблемам, связанным с ними. (Я говорю о “философских” вопросах, так как христианство – историческая религия, и некоторые из его учений требуют исторических свидетельств в свою поддержку. Философ не компетентен, чтобы заниматься этим; но можно показать, где нам нужны исторические доказательства и насколько они значимы для дела в целом, которое можно снабдить и другими основаниями; и я стремился сделать именно это. Так, нам нужны исторические доказательства, чтобы показать, что Иисус был распят и воскрес из мертвых; но нужны и философские аргументы, чтобы показать, что эти события имеют космическое значение). Мое обращение к чисто христианским проблемам совпало с моим возвращением в Оксфорд в качестве ноллотского профессора христианской философии.

Первый том задуманной тетралогии «Ответственность и искупление» был издан в 1989 году. Когда мы делаем добро или зло друг другу, [для оценки] применяются различные компоненты набора моральных понятий: мы виновны или достойны награды; мы должны каяться, извиняться и возмещать ущерб; другие должны нас прощать или, в зависимости от ситуации, выражать благодарность или вознаграждать нас; или же они могут наказывать нас. Первая часть книги «Ответственность и искупление» была посвящена анализу этих понятий и осмыслению того, когда они применяются – к отно-

шениям людей между ними. Во второй части итоги предыдущей прилагаются к анализу смысла и обоснованию тех христианских учений, которые используют эти понятия для описания отношений между Богом и человечеством, – в частности, учений о грехе и грехопадении, искуплении, вечном наказании и вечной награде.

Во всех моих работах по философии религии мой подход состоял в том, чтобы, начав с того, где находилось светское гуманитарное знание в данное время, развить философию соответствующей сферы и затем показать, как эта философия приводит к христианскому пониманию ее предметов. В книге «Ответственность и искупление» я исходил из ограниченного морального понимания долга и сверхдолжной благодати, присущего человеку, и шел к выводу о нашем моральном статусе по отношению к Богу. В своей предшествующей трилогии я начал с индуктивных стандартов, подразумеваемых в науке. В своей следующей книге «Откровение», изданной в 1992 году, я начал с обычных осмысленных предложений, чтобы развить философию значения, а потом перейти к теологическим вопросам. В философии религии нет другого способа преуспеть, кроме того, при котором ее результаты рационально приемлемы и для тех, кто изначально не религиозен. По этой причине философ религии не должен быть дилетантом в других областях философии; и я написал, по крайней мере, в формате статьи о большинстве таких областей. Вся философия занимается восхитительными и важными темами, и, хотя ее труд тяжел, я имел удовольствие обсуждать эти темы с коллегами, учиться на их работах и, надеюсь, немного продвинуть понимание вещей во всех областях философии, в которых я работал.

Моя книга об откровении касается утверждений христианства о том, что оно провозглашает истины, открытые Богом. В этой работе исследуется, что было бы свидетельством того, что христианские догматы и Библия явлены свыше. Ее исходные философские проблемы связаны с тем, как значение может быть передано с помощью аналогии и метафоры в рамках ложных научных и исторических допущений античной культуры. Я рассматриваю их в первой части этой работы, перед тем как применить результаты к притязанию христианства на богооткровенность. Я планирую еще две книги в рамках этой тетралогии: одну об учении о Боге, рассматривающую специфически христианские учения о Троице и Боговоплощении; вторую – о провидении и зле, посвященную более подробному анализу проблемы зла в свете христианской доктрины, чем я мог сделать это в работе «Существование Бога»⁵.

Когда эта последняя книга будет закончена, я не думаю, что смогу написать еще что-то в объеме книги по философии религии. Я скажу уже все, что имею сказать. Между тем я надеюсь продолжать излагать и отстаивать то, что я выразил прежде, различными способами. Возможно, я буду писать книги о тех или иных философских предметах – к примеру, о простоте и необходимости, – лежащих в основе моих отдельных работ по философии религии, но относящихся более прямо к другим отраслям философии.

Разумеется, я не знаю, какое воздействие окажут мои работы в конечном итоге. Но

⁵ Имеются в виду работы: «The Christian God» (Oxford, U.K.: Clarendon, 1994) и «Providence and the Problem of Evil» (Oxford, U.K.: Clarendon, 1998) (пер.).

я полагаю, что уже немного способствовал тому, чтобы продвинуть христианство на форуме интеллектуальной респектабельности; и в мгновения большей внутренней собранности я ощущаю безмерную благодарность за привилегию, что мне было позволено это сделать. Я благодарен Богу, благодарен дружественным мне философам-атеистам за их терпимость и открытость в отношении странного коллеги и благодарен обществу, неведомо для себя платившему мне зарплату в течение всех этих лет за философствование. Понятно, что я не был одинок в своем стремлении делать то, что я сделал. Немалое число философов, принадлежащих к англо-американской эмпирической традиции, по преимуществу в Соединенных Штатах, трудились различным образом, чтобы переместить христианство на должное место в средоточие рационального и чуткого к науке мировоззрения. Я безмерно благодарен им за их работу и дружбу.

Заключительные размышления

Я прекрасно сознаю, что мое интеллектуальное развитие было связано во многом с систематизацией и обоснованием того, во что я весьма смутно верил сорок лет назад. Хотя мои взгляды по более частным вопросам претерпели изменения, мое мировоззрение в целом не изменилось. Я знаю, что не люблю менять привычки или мнения и что есть объяснение моего интеллектуального развития, имеющее некое исходное правдоподобие. Оно состоит в том, что я попросту слишком упрям, чтобы позволить себе менять позицию под давлением опыта и силы доводов моих философских оппонентов, с которыми я сталкивался на протяжении своей карьеры. Все, что я могу сказать в свою защиту, – это то, что для меня чрезвычайно важно придерживаться верного взгляда на очень большие метафизические проблемы. Я искренне верю, что если бы я рассудил, что данный опыт или аргумент ведет к позиции, контрарной той, что я занял в юности, я бы не скрыл от себя этот факт. У меня нет желания поклоняться Богу, которого не существует. Я иногда ловил себя на том, что начинал молиться: «О, Боже, если ты не существуешь, помоги мне увидеть это»!

Сомневаюсь ли я порой в основных положениях христианской веры? Если вопрос означает, что я менее чем абсолютно уверен, что положения эти верны, ответ «да». Я абсолютно уверен в очень немногом, к чему не относится даже реальность внешнего мира и “чужих сознаний”. Но я считаю, что имеется значительный массив доказательств в пользу этих обеих позиций, а также в пользу христианского теизма. Если вопрос означает, посвящаю ли я время разбору возражений против христианства, то ответ тот же – «да». Это моя работа. Я полагаю, что каждому христианину или нехристианину следует уделять некоторое время (неважно, насколько любительским образом), на рассмотрение всех за и против своей системы ключевых убеждений – не только однажды в юности, но с интервалами на протяжении жизни.

Многие годы всякий раз, когда мне приходило в голову какое-либо возражение, я записывал его как то, что в свое время нужно досконально исследовать. Подробный разбор таких возражений, полагаю, привел к тому, что я увидел те грани истины, которые бы не заметил иначе. Так, любой, кто обладает моральной чувствительностью, должен считать, что факт наличия боли и страдания образует *prima facie* возражение против те-

изма. Но серьезное обдумывание этого возражения, вместо сокрытия его от самого себя, предполагает анализ того, какого вида мир должен был, по нашему мнению, создать всемогущий и всеблагий Бог. Начав продумывать в деталях эту альтернативу, я осознал⁶, что, если бы Творец создал мир без страданий, то это был бы мир, в котором люди несли бы мало ответственности друг за друга и за других существ. Видя, что эта альтернатива явно не лучше, чем нынешний мир, я понял кое-что новое о добре: к нему относится нечто большее, чем зуд удовольствия; и о Боге – что Его доброта проявляется в свободе и ответственности, которыми Он наделяет свои создания.

Я обнаружил, что то, что демонстрирует этот простой пример, верно также для более сложных ситуаций. Сомнение (во втором смысле) полезно для веры. Более узнавать о том, каков Бог и, среди прочего, в чем заключается Его благодать, полезно для молитвы. Проповедники без устали напоминают нам, что знание о Боге – это одно, а знание Бога – другое; но, хотя эти предметы различаются, было бы очень странно, если бы вы могли хорошо знать Бога, не зная о Нем достаточно (независимо от того, есть ли у вас философская подготовка, чтобы четко изложить это на письме). В конце концов, мы лучше узнаем обычного друга, когда знаем что-то об истории и характере этого человека.

Несмотря на это, я должен признать, что многое в моей молитвенной практике довольно “сухо”. Поклонение нашему Создателю является первым человеческим долгом: не признавать публично и приватно благодать Бога – это глубокий недостаток нечувствительности и неблагодарности по отношению к нашему высшему благодетелю. И в целом мне нравится поклоняться, воскресеньем за воскресеньем, так, как это было установлено Христом, в Евхаристии. Древние молитвы, обряды и исповедания веры спасают нас от бедности выражения и узости видения “спонтанной” молитвы.

Христос основал церковь, и быть христианином – значит принадлежать к этой церкви. Но церковь разделена, и потому мы вынуждены принадлежать к церкви, принадлежа к той ее части, которая, как кажется нам, лучше всего отражает организацию и учение, которые должна иметь церковь, по замыслу Христа. Когда мне было пятнадцать лет, я был крещен в Англиканской церкви и с тех пор я оставался англиканином. Но я никогда не чувствовал себя комфортно в англиканстве. Никто не должен удовлетворяться принадлежностью к “осколку”, сохраняющему независимость от остальной церкви, основанной Христом. Нам всем нужно трудиться над достижением церковного единства. На мой взгляд, оно должно означать единство организации, которая нашла бы свой естественный центр в формальном главенстве (по чести), а именно в реформированном папстве. Но есть и другая причина, по которой мне было неудобно быть англиканином. Она в том, что Церковь Англии, похоже, не относится с достаточной серьезностью ни к набору обязательств, имеющихся у христиан, ни к важности провозвестия истинного вероучения. Если бы я жил в России или Греции, я, вероятно, чувствовал бы себя более комфортно в Православной церкви. Но, живя в Англии, я остаюсь англиканином и ценю эту церковь за ее сакраментальное поклонение, уваже-

⁶ См. исправленное издание книги «The Existence of God» (1991), p. 152–160, где дано детальное обсуждение.

ние к учености, терпимость и смирение⁷.

Мое участие в церкви ограничилось участием в богослужении и прочих молитвенных службах и таинствах на правах обычного члена общины. Хотя в минимальной мере я был причастен к социальным функциям церкви, я не входил в церковные комитеты, не редактировал газеты и не пел в церковном хоре. В качестве оправдания я постоянно повторяю слова св. Павла о том, что «существуют различные служения»⁸; и мое, насколько я его понимаю, состоит в том, чтобы писать и преподавать в светском мире.

Я человек нетерпеливый и никогда не наслаждался настоящим так, как бы следовало. Но я всегда смотрел вперед. И теперь я с нетерпением жду завершения всех начатых мной академических проектов; и еще я с нетерпением жду того, что Бог сотворит со мной, когда эта жизнь подойдет к концу. Страх и трепет – единственно уместные чувства, с которыми христианин может предстать перед своим Творцом. И я молюсь, чтобы Бог дал мне время и милость подготовиться к этому дню.

Richard Swinburne

The Vocation of a Natural Theologian (Russian translation. Part II)

Annotation: Readers are invited to an intellectual and autobiographical essay by one of the leading Christian thinkers of the last half century, a member of the British Academy, a professor of Christian philosophy at Oxford University in 1985–2002.

Keywords: theism, Christianity, Oxford philosophy, justification of scientific theories

Research for this work was supported by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project № 21-011-44042 «Evolutionism as a Problem of Christian Theology: A Historical Analysis».

Сведения об авторе

Ричард Суинберн (р. 1934) – британский философ и богослов. Был профессором христианской философии в Оксфордском университете в 1985–2002 годах.

Email: richard.swinburne@oriel.ox.ac.uk

Richard Swinburne (b. 1934) is a British philosopher and theologian. He was a professor of Christian Philosophy at the University of Oxford in 1985–2002.

Email: richard.swinburne@oriel.ox.ac.uk

⁷ В 1990-х гг., после написания этого очерка, Ричард Суинберн перешел в Православную церковь (пер.).

⁸ См. 1 Кор. 12:5 (пер.)

Сведения о переводчиках

Карабыков Антон Владимирович – доктор философских наук, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры философии, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (г. Симферополь).

Email: meavoxlenis@gmail.com

Karabykov Anton – DSc in Philosophy, CSc in Philology, Professor, Department of Philosophy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia.

Хренова Татьяна Станиславовна – аспирант кафедры романской и классической филологии, Институт филологии, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (г. Симферополь).

Khrenova Tatyana Stanislavovna – postgraduate student of the Department of Romance and Classical Philology, Institute of Philology, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia.